
РЕТРОСПЕКТИВА

АНАЛИЗ СВЯЗИ ОТДЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ С ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ В РОССИИ /

А.В. Коротаяев, С.Г. Шульгин, И.А. Медведев, Ю.В.
Зинькина*

Аннотация. В статье представлен систематический обзор подходов к определению и способу изучения ценностных ориентаций, связи ценностей и социального действия. Авторы проанализировали связь между социально-демографическими группами и их ценностными ориентациями. На основе данных, полученных в результате проведения социологических исследований в России, были проанализированы связи ценностных ориентаций респондентов с их электоральным поведением и электоральными предпочтениями. Кроме того, исследованы ценностные ориентации, характерные для электората наиболее ярких

---

* **Коротаяев Андрей Витальевич**, доктор философии (PhD), доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: akorotayev@gmail.com; **Шульгин Сергей Георгиевич**, кандидат экономических наук, заместитель заведующего Международной научно-исследовательской лабораторией демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: shulgin@ganepa.ru; **Медведев Илья Александрович**, младший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: semyonkot@yandex.ru; **Зинькина Юлия Викторовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории демографии и человеческого капитала, РАНХиГС (Москва, Россия), e-mail: juliazin@list.ru

© Коротаяев А.В., Шульгин С.Г., Медведев И.А.,
Зинькина Ю.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.09

современных политиков. Использование системы Ш. Шварца позволило выяснить, что электорат, в большей степени приверженный ценностям сохранения и при этом наименее приверженный ценностям самоутверждения, поддерживает С. Бабурина и Г. Зюганова. На другом полюсе находятся К. Собчак и особенно А. Навальный, для сторонников которых характерны максимальные значения как индекса приверженности ценностям открытости к изменениям, так и индекса приверженности ценностям самоутверждения. Промежуточное положение занимает электорат В. Путина, Г. Явлинского, Д. Медведева, П. Грудина, Б. Титова и В. Жириновского, но при этом электорат В. Путина, Г. Явлинского и Д. Медведева несколько сдвинут в сторону ценностей сохранения, а электорат П. Грудина, Б. Титова и В. Жириновского – в сторону ценностей открытости к изменениям. Кроме того, исходя из ценностных ориентаций электората соответствующих (актуальных и потенциальных) кандидатов в президенты на выборах 2018 г., с помощью системы Р. Инглхарта были выделены два основных кластера: класс кандидатов, электорат которых демонстрирует приверженность материалистическим ценностям выживания и традиционно-религиозным ценностям, и класс кандидатов, электорат которых скорее характеризуется приверженностью постматериалистическим ценностям самовыражения и секулярно-рациональным ценностям.

Ключевые слова: ценности; электоральное поведение; электоральные предпочтения; возрастные группы; гендерные аспекты; ценности самоутверждения; традиционно-религиозные ценности; ценности сохранения; постматериалистические ценности; президентские выборы 2018 г. в РФ.

Для цитирования: Анализ связи отдельных ценностных измерений с демографическими факторами и электоральным поведением в России / А.В. Коротаев, С.Г. Шульгин, И.А. Медведев, Ю.В. Зинькина // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. XX-XX. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.09>

Введение

Различного рода исследования ценностей все активнее появляются в течение последнего десятилетия. Данная область интенсивно исследуется как политологами и социологами, так и экономистами. При рассмотрении влияния ценностных ориентаций как источников мотивов к различного рода действиям часто в фокус исследований попадают не столько конкретные действия, сколько готовность и желание людей, например, отношение к внешней политике, запрос на демократизацию, готовность к кооперации [Wirajuda, 2014; Democratisation ..., 2006; Fink, 2012]. Ценности изучаются социологами уже достаточно длительное время. Стоит для начала вспомнить работы Макса Вебера. Вебер рассматривал типы социальных действий, выделяя ценностно-рациональный тип

действия. Для Вебера ценностно-рациональное действие – это действие, обладающее самостоятельной ценностью [Вебер, 1990 а]. Например, в «Протестантской этике и духе капитализма» Вебер объяснял экономический успех протестантских стран теми ценностями, которые были вписаны в суть их религиозных доктрин. Таким образом, Вебер показывал, что глубокие ценностные ориентации могут влиять на поведение людей [Вебер, 1990 б]. Социальное действие (т.е., по Веберу, действие, соотносимое действующими с действиями других людей) называется ценностно-рациональным в том случае, если оно основано на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения, независимо от его возможных последствий и результатов [Вебер, 1990 а]. Социальные действия были классифицированы Вебером на основе степени рациональности мотивов действующего субъекта, и ценностно-рациональное действие оказывалось в этой классификации на втором месте – сразу после целерационального, но выше двух других типов – традиционного и аффективного. Теория Вебера была полемически направлена против экономического детерминизма тогдашних марксистов, поскольку в ней утверждалось, что люди могут по-разному понимать свои интересы и далеко не всегда действуют в рамках экономической рациональности.

Влияние ценностных установок на политическое поведение изучал также Т. Адорно, разработавший так называемую F-шкалу. Подход Адорно был направлен на выявление ценностей, наиболее сочетающихся с крайне правыми идеологиями [The authoritarian personality, 1950]. Теория авторитарной личности Адорно отождествляла склонность к правому авторитаризму с ксенофобскими установками, которые могут разделять лишь индивиды, воспитанные в определенной системе ценностей, поэтому в опроснике присутствовали вопросы, призванные выявить склонность к деструкции, готовность подчиняться авторитету, цинизм, приверженность ценностям патриархальной семьи и т.п. Ряд авторов выступили с критикой F-шкалы, указывая на произвольность отбора авторитарных ценностей и иные недостатки [Christie, Jahoda, 1954], и к концу 1970-х годов теория оказалась почти забытой на Западе. При этом к концу XX в. данный подход был доработан Альтмейером, делавшим упор на то, какие ценности человек усваивал в семье. В частности, Альтмейер отмечал склонность респондентов к крайне авторитарным установкам, когда в семье усваивается такая

система взглядов, в которой мир представляется опасным местом, где происходит постоянная деградация, чреватая общей катастрофой, спасти от которой могут лишь сильные лидеры и жесткие меры [Altemeyer, 1981]. В пользу F-шкалы Адорно высказывался также Дж. Рэй, считавший, что с ее помощью можно с высокой достоверностью диагностировать склонность индивида к расизму [Ray, 1988]. В последнее время интерес к теории Адорно вновь начал расти, что связано с недавним усилением правого популизма в Европе и Америке [Mattson, 2018; Bizumic, Duckittb, 2018; el-Ojeili, 2019].

Концептуальная схема Адорно, однако, не позволяет хорошо предсказывать действительное политическое поведение, ориентируясь скорее на потенциал возникновения политических движений. Поэтому стоит обратиться к более современным концептуальным схемам, позволяющим лучше прогнозировать политические акты.

С 1970 г. Европейская комиссия проводила опросы общественного мнения в странах Европейского сообщества. С 1974 г. проект получил название «Евробарометр». Проект посвящен мониторингу общественного мнения и напрямую не связан с изучением фундаментальных ценностей европейцев. Участник проекта Р. Инглхарт выдвинул концепцию постматериализма, объясняющую направление изменений ценностей населения развитых стран [Inglehart, 1971; 1977; 2007]. Он предположил, что старые материалистические ценности, нацеленные на выживание, с ростом благосостояния общества отходят на задний план, уступая место постматериальным ценностям, таким как самовыражение. Инглхарт полагает, что перелом в пользу постматериалистов наметился после Второй мировой войны, и что число людей, разделяющих постматериалистические ценности, постепенно растет во всем мире.

С 1981 г. в Европе регулярно проводится масштабное исследование «Европейский обзор ценностей» (European Values Study – EVS), которое позднее переросло во «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS). Во главе проекта изначально стояли ученые Тилбургского университета Р. Де Моор и Я. Керкхофс. В 1990 г. Инглхарт возглавил WVS, что дало ему возможность приложить свою теорию к данным, собранным по всему миру. Так Р. Инглхарт и К. Вельцель составили «культурную карту мира», представляющую собой график, где по оси абсцисс отложены ценности выживания vs ценности самовыражения, а по оси ординат –

традиционные ценности vs ценности секулярно-рациональные [Inglehart, Welzel, 2005]. На графике были расположены страны в соответствии с преобладающим типом ценностей. Россия оказалась среди стран с резко выраженной приверженностью ценностям выживания и секулярно-рациональным ценностям, что характерно для многих посткоммунистических стран. Страны протестантской Европы и англоязычные страны в основном тяготеют к постматериалистическим ценностям самовыражения, но отличаются отношением к религии и традициям: континентальные европейцы более склонны к секулярно-рациональным ценностям, а англоговорящие страны – скорее к традиционно-религиозным. В целом Инглхарт и Вельцель выделяют семь регионов в соответствии с доминирующими ценностями.

Материалы и методы

В своем исследовании мы бы хотели обратиться к российской перспективе исследования ценностей в связи с электоральным поведением и электоральными предпочтениями. Для реализации данной задачи нами был проведен опрос в Москве и Екатеринбурге¹. Объем выборки составил 2000 респондентов (по 1000 из каждого региона). При отборе респондентов мы стремились добиться распределений по социодемографическим характеристикам, соответствующим средним распределениям для каждого города. Это достигалось использованием метода телефонного опроса *CATI* по случайной репрезентативной выборке с последующей коррекцией характерных для этого метода смещений. Для контроля репрезентативности (соответствия между выборкой и генеральной совокупностью) использовался социодемографический блок вопросов, соответствующий аналогичному блоку исследования «Евробарометр в России». Опрос был проведен с использованием методологии, описанной Р. Инглхартом, К. Вельцелем и Ш. Шварцем [Schwartz, Caprara, Vecchione, 2010; Inglehart, 2007;

---

¹ Данный опрос был проведен РАНХиГС в рамках реализации госзадания «Демографическая динамика, ценностные ориентации и электоральное поведение» в мае-июле 2018 г.

Inglehart, Welzel, 2005], чтобы собранные данные были сравнимы с общей базой данных WVS.

Анализ социально-демографических характеристик

Для начала рассмотрим, как отличаются ценностные ориентации среди различных социально-демографических групп на примере наших данных по России.

Распределение точек данных респондентов в пространстве, задаваемом осями «консерватизм – открытость изменениям», «забота о других – самоутверждение» в случае использования нормализации результатов опроса РАНХиГС по общемировой базе WVS представлено на рис. 1.

Рис. 1.
Распределение точек данных респондентов

При отсутствии нормализации распределение выглядит так, как показано на рис. 2.

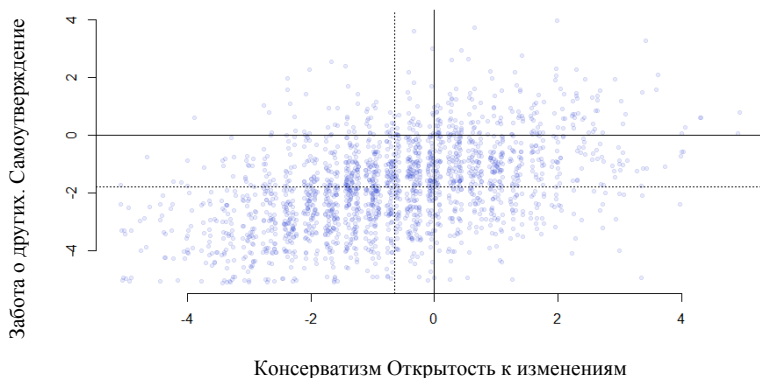

Рис. 2.
Распределение точек данных респондентов в случае использования нормализации (данные без нормализации)

Далее мы используем нормализованный вариант индекса.

Средние значения соответствующих осей для возрастных групп приведены в табл. 1.

Таблица 1

Средние значения осей для возрастных групп

Возрастные группы	«Консерватизм – открытость к изменениям»	«Забота о других – самоутверждение»	Количество наблюдений
[18–25]	0,699	-0,801	211
[25–30]	0,239	-1,02	177
[30–40]	-0,359	-1,38	419
[40–50]	-0,689	-1,81	352
[50–60]	-0,961	-2,01	232
[60–70]	-1,37	-2,54	274
[70–80]	-1,50	-2,58	213
[80–100]	-1,42	-2,42	123

Для начала рассмотрим корреляцию между возрастом респондентов и их приверженностью ценностям консерватизма и открытости к изменениям (см. рис. 3).

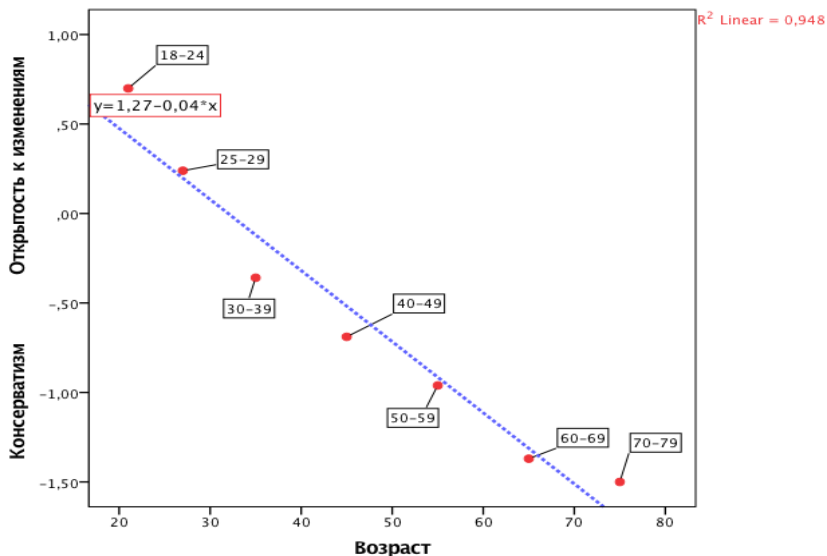

Рис. 3.

Корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям консерватизма и открытости к изменениям для семи основных возрастных групп¹

Как мы видим, наблюдается ярко выраженная отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям открытости к изменениям (и, соответственно, положительная корреляция между возрастом и приверженностью консервативным ценностям). То есть более пожилые респонденты в тенденции оказываются заметно в меньшей степени привержены ценностям открытости к изменениям, нежели молодые респонденты. Отметим, что предыдущие исследования [Robinson, 2013; Измерение межстранового ..., 2018] показали, что данная корреляция является универсальной и прослеживается для всех стран, в которых были проведены соответствующие опросы, включая страны Азии, Африки и Латинской Америки. Примечательно, что по результа-

¹ Примечание: $r = -0,974$, $R^2 = 0,948$, $p < 0,001$. Возрастная группа 80–100 была исключена из анализа для обеспечения сопоставимости с результатами последующих тестов.

там четвертой и пятой волны WVS корреляция между возрастом респондентов и приверженностью консервативным ценностям среди россиян оказалась еще выше ($r = -0,997$), чем по данным нашего опроса ($r = -0,974$) [Измерение межстранового ..., 2018].

Рассмотрим теперь корреляцию между возрастом респондентов и приверженностью к ценностям «Забота о других – самоутверждение» (см. рис. 4).

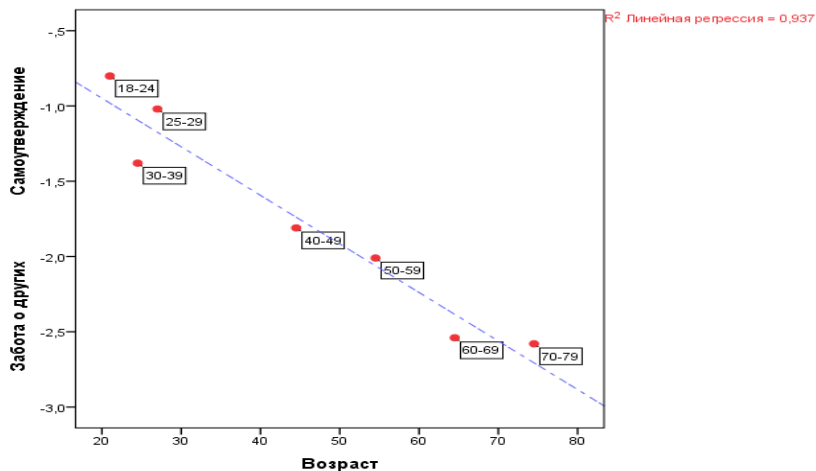

Рис. 4.

Корреляция между возрастом респондентов и ценностями для семи основных возрастных групп¹

Как мы видим и на примере других стран, наблюдается ярко выраженная отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям самоутверждения (и, соответственно, положительная корреляция между возрастом и ценностями заботы о других). То есть пожилые респонденты в тенденции оказываются заметно менее привержены ценностям самоутверждения, чем более молодые респонденты, и, соответст-

¹Примечание: $r = -0,968$, $R^2 = 0,937$, $p < 0,001$. Возрастная группа 80–100 была исключена из анализа для обеспечения сопоставимости с результатами предыдущих тестов.

венно, заметно более привержены ценностям заботы о других. Речь и в данном случае идет о достаточно универсальной закономерности [Robinson, 2013; Возраст, ценности ..., 2018], которая прослеживается в самых разных странах мира, для которых были приведены соответствующие опросы, включая страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Если обратить внимание на средние показатели в различных возрастных категориях для нашего опроса по Москве и Екатеринбург (см. ниже рис. 14), то можно отметить, что начальная группа от 18 до 24 лет имеет средний показатель в $-0,801$, значительно снижаясь от группы к группе. Наибольший разрыв в данном показателе можно между периодами 50–60 лет и 60–70 лет. В целом эти данные подтверждают результаты ранее полученных результатов опросов в России [Магун, Руднев, 2010], однако исследователи описывают, что ценности самоутверждения и реализации у россиян были одними из самых выраженных в Европе [Магун, 2006; Магун, Руднев, 2008]. Ученые связывали данный феномен с рекордными ценностями «материализма», всплеск которых пришелся на конец 1990-х годов [Гражданские, этнические и религиозные идентичности ..., 2006]. Однако многие отмечали изменение в ценностных ориентирах россиян, опираясь на данные 2000-х годов как точку отсчета [Руднев, 2011; Кирилина, 2012].

Как мы видим, среди респондентов наблюдается, с одной стороны, четкая отрицательная корреляция между их возрастом и приверженностью ценностям открытости к изменениям, а с другой стороны – почти столь же четкая отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям самоутверждения. На выходе вполне предсказуемым образом мы получаем ярко выраженную положительную корреляцию между приверженностью ценностям открытости к изменениям и приверженностью ценностям самоутверждения, если мы берем в качестве единицы сопоставления возрастные группы (см. рис. 5).

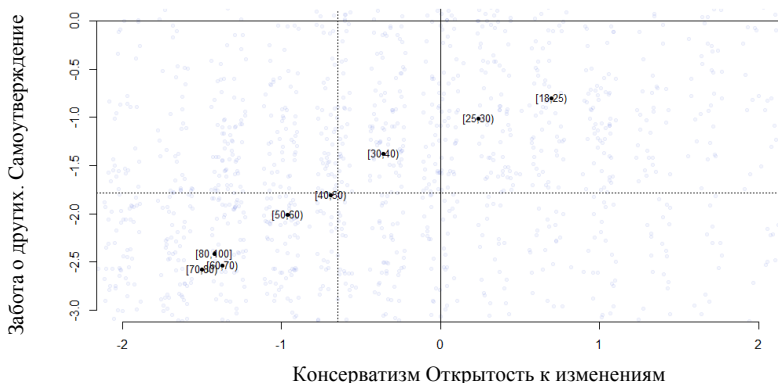

Рис. 5.
Средние значения осей «консерватизм – открытость изменениям», «забота о других – самоутверждение» для возрастных групп¹

Как мы видим, тем возрастным группам, для которых характерна высокая приверженность ценностям открытости к изменениям, характерна и сильная приверженность к ценностям самоутверждения. И наоборот: для тех возрастных групп, в которых характерна сильная приверженность к ценностям консерватизма, характерна и сильная приверженность к ценностям заботы о других. Речь при этом идет о достаточно универсальной закономерности. В целом с возрастом люди в тенденции становятся все более консервативными, но при этом в них усиливается приверженность ценностям заботы о других и ослабляется приверженность ценностям самоутверждения.

Рассмотрим средние значения индекса открытости к изменениям и индекса самоутверждения для мужчин и женщин (см. табл. 2 и рис. 6).

¹ Примечание: $r = 0,989$; $R^2 = 0,977$, $p < 0,001$.

Таблица 2

**Средние значения индекса открытости к изменениям
и индекса самоутверждения для мужчин и женщин**

Пол	Значение индекса «открытость к изменениям – консерватизм»	Значение индекса «самоутверждение – забота о других»
Мужчина	–0,359	–1,47
Женщина	–0,871	–2,03

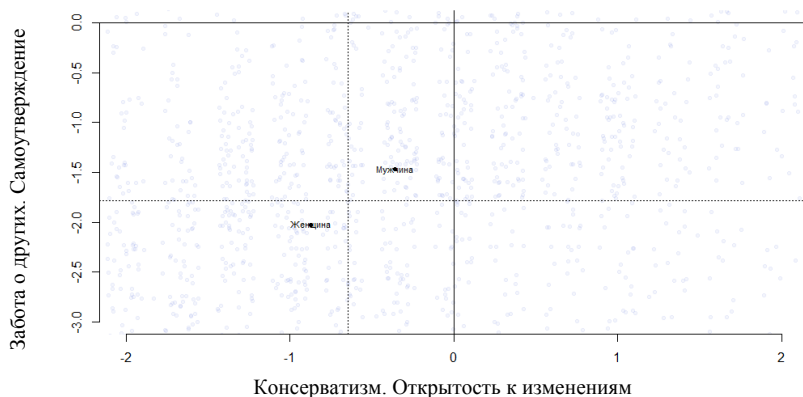

Рис. 6.

**Распределение точек данных респондентов в пространстве,
задаваемом осями «консерватизм – открытость изменениям»,
«забота о других – самоутверждение» для мужчин и женщин**

Как мы видим, женщины значительно больше поддерживают консервативные ценности (значение индекса $-0,871$), нежели мужчины ($-0,359$). Это в целом отражает известный факт о большей консервативности женщин по сравнению с мужчинами [Rendall, 1987]. Стоит отметить перевес среднего значения показателя «самореализация – забота о других» в сторону женской части выборки ($-1,47$ у мужчин и $-2,03$ у женщин), что говорит нам о том, что ценности, связанные с заботой о других, более выражены у женской части населения, в то время как мужчины более стремятся к самореализации, что в целом подтверждает общемировую тенденцию [Гаджиева, 2000].

Ценности, электоральное поведение и электоральные предпочтения

Результаты анализа данных проведенного нами опроса подтверждают выводы предыдущих исследователей, отмечавших достаточно сильную связь между ценностями граждан и их электоральным поведением / электоральным предпочтением [Erikson, 1950; 1968; Evan, 1959; Zellman, 1975; Tilley, Evans, 2014; Hyde, 2014]. Рассмотрим влияние ценностных измерений на различные аспекты электорального поведения на президентских выборах 2018 г.

Средние значения индекса открытости к изменениям и индекса самоутверждения для респондентов, принявших и не принявших участие в выборах 2018 г. представлены в табл. 3 и на рис. 7.

Таблица 3

Средние значения индексов для респондентов, принявших и не принявших участие в выборах 2018 г.

Ходил ли человек на выборы	Значение индекса «открытость к изменениям – консерватизм»	Значение индекса «самоутверждение – забота о других»
Да	-0,822	-1,91
Нет	-0,116	-1,42

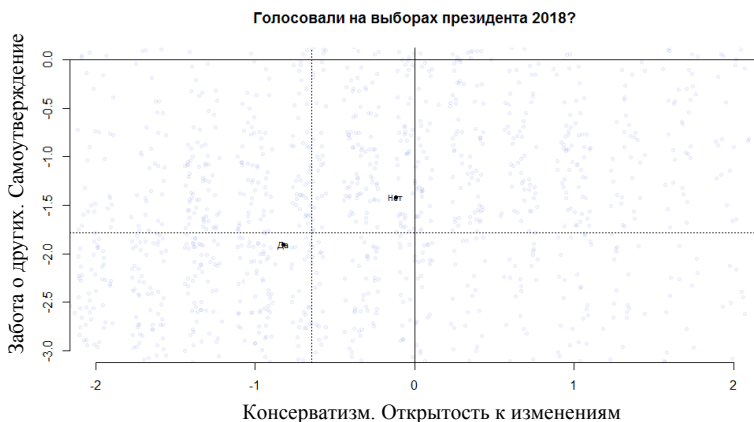

Рис. 7.

Распределение точек данных респондентов, положительно и отрицательно ответивших на вопрос об участии в выборах

Как мы видим, среди людей, ответивших отрицательно на вопрос о том, ходили ли они на прошедшие выборы, значение индекса открытости к изменениям было значимо более высоким, нежели среди тех, кто ходил на выборы. Для не принявших участие значение индекса составило $-0,116$, в то время как среднее значение того же индекса, но среди числа людей, положительно ответивших на вопрос об участии в выборах, составило $-0,822$. Можно предположить, что на последние выборы ходили люди, более приверженные консервативным ценностям, нежели открытые к изменениям. Обращая внимание на индекс ценностей «заботы о других – самоутверждения», стоит отметить, что среди тех, кто пошел на выборы, индекс самоутверждения значительно ниже, нежели среди тех, кто не пошел на выборы. Для сравнения среднее значение индекса «заботы о других – самоутверждения» у ответивших «да» на вопрос об участии в выборах составило $-1,91$, тогда как среди ответивших «нет» – $-1,42$. Можно говорить, что для пришедших на выборы в 2018 г. ценность заботы о других была более значима, нежели для тех, кто на выборы не пришел.

Не представляется случайным, что ценности не ходивших на выборы достаточно схожи с ценностями более молодого поколения, как мы увидим это ниже. Действительно, в 2018 г. отказ от участия в выборах был в заметной степени протестным (см. табл. 4).

Таблица 4

Корреляция между участием / неучастием в президентских выборах 2018 г. и электоральными предпочтениями

За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?	Голосовали ли вы на выборах президента РФ 18 марта 2018 г.?		Всего
	Да	Нет	
1	2	3	4
Сергей Бабурин	17	2	19
	1,1%	0,4%	1,0%
Павел Грудинин	146	45	191
	9,8%	9,0%	9,6%
Владимир Жириновский	99	22	121
	6,6%	4,4%	6,1%
Геннадий Зюганов	44	10	54
	2,9%	2,0%	2,7%
Дмитрий Медведев	23	6	29
	1,5%	1,2%	1,5%

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
Алексей Навальный	42	52	94
	2,8%	10,4%	4,7%
Владимир Путин	609	151	760
	40,8%	30,1%	38,1%
Ксения Собчак	29	8	37
	1,9%	1,6%	1,9%
Максим Сурайкин	4	1	5
	0,3%	0,2%	0,3%
Борис Титов	20	6	26
	1,3%	1,2%	1,3%
Григорий Явлинский	41	9	50
	2,7%	1,8%	2,5%
Против всех	143	91	234
	9,6%	18,2%	11,7%
Не голосовал бы	110	83	193
	7,4%	16,6%	9,7%
Неуместный ответ	21	2	23
	1,4%	0,4%	1,2%
Отказ от ответа	96	4	100
	6,4%	0,8%	5,0%
Затрудняюсь ответить	48	9	57
	3,2%	1,8%	2,9%
Всего	1492	501	1993
	100%	100%	100%

Как мы видим, среди респондентов, не принявших участие в президентских выборах 2018 г., популярность В. Путина заметно ниже, чем среди респондентов, принявших участие. Кроме того, среди лиц, не принявших участие в президентских выборах 2018 г., особой популярностью пользуется А. Навальный – среди не проголосовавших его популярность в четыре раза выше, чем среди проголосовавших. При этом если среди проголосовавших на втором месте по популярности после В. Путина стоит П. Груднин, то среди не проголосовавших – А. Навальный.

При этом, как мы увидим ниже, А. Навальный особенно популярен среди молодого электората. В то же время возраст респондентов выражено положительно коррелирует с участием в президентских выборах (см. табл. 5).

Таблица 5

**Корреляция между возрастом респондентов
и участием в президентских выборах в 2018 г.**

<i>Возрастные группы (лет)</i>	<i>Процент проголосовавших</i>
18–25	49,8
25–30	55,7
30–40	68,5
40–50	79,7
50–60	81,4
60–70	85,3
70–80	90,0
80–100	91,9

Как мы видим из табл. 5, электоральная активность растет с повышением возраста респондентов. Если возрастная группа 18–25-летних в среднем проголосовала лишь менее чем в половину от своего объема (49,8%), то возрастная группа 30–40-летних показала почти 70%-ную активность (68,5%), а представители возрастной группы 60–70-летних ответили положительно на вопрос о том, ходили ли они на выборы, более чем в 85% случаев.

При этом особо низкое участие в выборах молодых респондентов имеет смысл до некоторой степени связать с особо высокой популярностью среди них А. Навального.

То, что среди не ходивших на выборы особенно много тех, кто хотел бы проголосовать за Навального, крайне важно для нашего дальнейшего анализа. В этом, разумеется, нет ничего удивительного, поскольку Навальный сам призывал к бойкоту выборов, а также являлся единственным популярным политиком, не допущенным к выборам против собственного желания. Вместе с тем, как представляется, не стоит переоценивать готовность сторонников этого политика беспрекословно следовать за ним, поскольку неучастие в выборах не означает автоматической поддержки идеи бойкота.

Также следует учесть, что молодые избиратели традиционно менее активны, чем избиратели старших возрастов. Притом что основные сторонники Навального – это молодые люди, понятно, что низкая электоральная активность этой группы населения пред-

ставляла бы для него серьезную проблему, даже если бы он был допущен к выборам.

В целом же следует отметить, что политические перспективы Навального серьезно ограничены узостью его электоральной базы. Молодые когорты, которые могли бы поддержать его систему ценностей, довольно малочисленны из-за демографической ямы 1990-х. Сегодня огромное большинство избирателей представляют люди, разделяющие консервативные установки как в силу своего зрелого возраста, так и в силу своего жизненного опыта, поскольку для миллионов россиян понятие «реформы» напрямую связано с лишениями периода, последовавшего за распадом СССР.

В целом средние значения индексов открытости к изменениям и самоутверждения для респондентов, отдавших свои голоса за соответствующих кандидатов, выглядят следующим образом (см. табл. 6 и рис. 8).

Таблица 6

Средние значения индексов открытости к изменениям и самоутверждения для респондентов, отдавших свои голоса за соответствующих кандидатов

Кандидат	Средний показатель индекса открытости к изменениям	Средний показатель индекса самоутверждения	N
Бабурин	0,0833	-0,875	4
Грудинин	-0,724	-1,99	112
Жириновский	-0,0885	-2,16	32
Путин	-1,01	-2,02	928
Собчак	0,129	-1,23	35
Сурайкин	0,667	-2	1
Титов	-0,333	-1,19	9
Явлинский	-0,304	-2,07	23

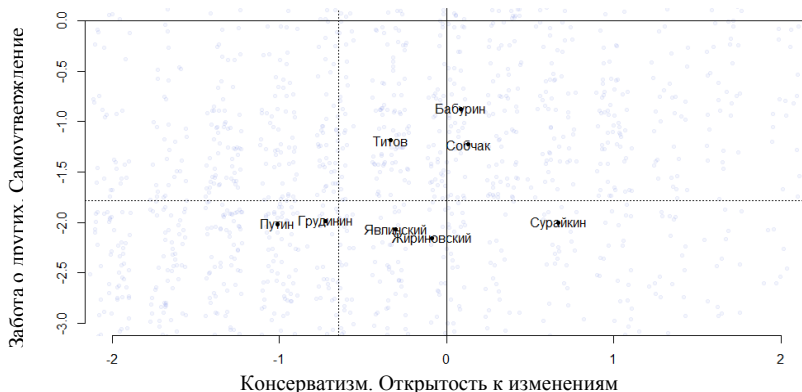

Рис. 8.

Распределение точек данных средних значений респондентов, проголосовавших за соответствующих кандидатов в пространстве, задаваемом осями «консерватизм – открытость к изменениям», «забота о других – самоутверждение» для основных кандидатов

Расположив средние показатели по индексам открытости к изменениям и заботе о других, можно заметить несколько особенностей. Основной электорат Путина привержен наиболее консервативным ценностям, и ценности заботы о других выражены достаточно сильно. Схожие показатели имеет электорат Грудинина, находясь примерно на схожем уровне по ценностям заботы о других, однако несколько смещаясь в сторону открытости к изменениям. Об электорате кандидатов Титова, Сурайкина и Бабурина нельзя сделать каких-либо обоснованных предположений, поскольку в выборку попало слишком мало респондентов, проголосовавших за них (9, 1 и 4 соответственно). Однако стоит отметить, что Путин, Грудинин, Жириновский и Явлинский имеют электорат, схожий по ценностям заботы о других, отличаясь лишь открытостью к изменениям. Отдельно хотелось бы отметить кандидата Собчак, которая имеет электорат, значительно больше нацеленный на самоутверждение и более открытый к изменениям – характеризующийся самыми крайними средними значениями по этим индексам (не считая отброшенных выше кандидатов).

Наряду с вопросом «За кого из зарегистрированных кандидатов вы проголосовали?» мы задавали вопрос: «За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?» (при этом в список возможных кандидатов были добавлены А. Навальный, Г. Зюганов и Д. Медведев). В этом случае средние значения индексов открытости к изменениям и самоутверждения для респондентов, выразивших свою готовность голосовать за соответствующих кандидатов, выглядят следующим образом (см. табл. 7 и рис. 9).

Таблица 7

Средние значения индексов открытости к изменениям и самоутверждения для респондентов, выразивших свою готовность голосовать за соответствующих кандидатов (при добавлении в список возможных кандидатов А. Навального, Г. Зюганова и Д. Медведева)

Кандидат	Средний показатель индекса открытости к изменениям	Средний показатель индекса самоутверждения	N
Бабурин	-1,36	-2,08	20
Грудинин	-0,647	-1,77	191
Жириновский	-0,385	-1,76	121
Путин	-0,921	-1,94	761
Собчак	-0,045	-1,14	37
Сурайкин	-0,467	-2,53	5
Титов	-0,551	-1,79	26
Явлинский	-0,863	-1,74	50
Зюганов	-1,39	-2,34	54
Навальный	0,307	-1,19	94
Медведев	-0,707	-1,94	29
Против всех	-0,256	-1,53	235
Не голосовал бы	-0,425	-1,77	193

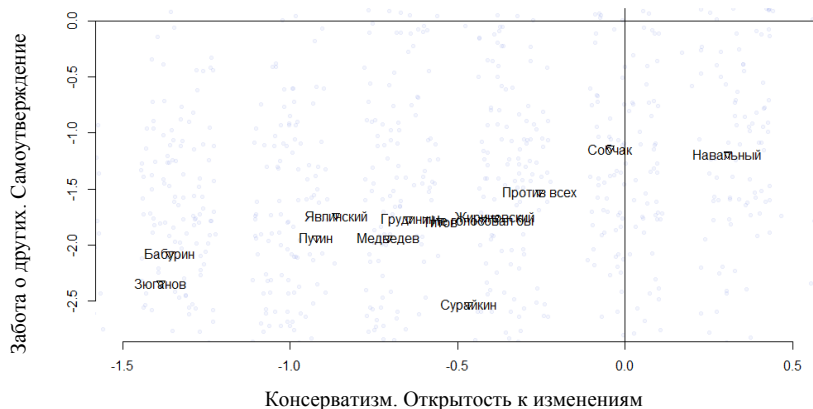

Рис. 9.

Распределение точек данных респондентов в пространстве, задаваемом осями «консерватизм – открытость изменениям», «забота о других – самоутверждение» для дополненного списка потенциальных кандидатов

Нетрудно заметить, что результаты электоральных предпочтений по второму варианту достаточно существенно отличаются от того, как наши респонденты голосовали в марте 2018 г. Дело в том, что наш опрос проводился в конце июня – начале июля 2018 г., и за этот промежуток рейтинг Путина достаточно заметно упал. По крайней мере, среди наших респондентов только 57,8% проголосовавших за В. Путина в марте 2018 г. выразили готовность голосовать за него в конце июня – начале июля того же года (см. табл. 8).

Очевидно, что значительное падение рейтинга Путина между мартом и июнем-июлем 2018 г. в высокой степени объясняется обнародованием планов по внесению изменений в пенсионную реформу. Вместе с тем данное обстоятельство позволило составить более полное представление о потенциальных электоральных предпочтениях россиян.

Говоря о распределении предпочтений опрошенных в условиях более расширенного списка кандидатов на фоне падения рейтинга В. Путина, стоит выделить два противоположных полюса. Самый консервативный электорат, при этом наиболее ценящий заботу об окружающих, поддерживает Бабурина и Зюганова (мы не учитыва-

ем Сурайкина, поскольку среди опрошенных за него проголосовало бы лишь пять человек, что не дает возможности оценить его электорат). На другом же полюсе находится Навальный, электорат которого обладает схожей ориентацией на самоутверждение, как и у сторонников Собчак, однако еще более открыт к изменениям. При этом по понятным причинам среди сторонников Навального особо высокий процент не принявших участие в выборах.

Таблица 8

**За кого респонденты, голосовавшие за В. Путина
в марте 2018 г., проголосовали бы
в конце июня – начале июля 2018 г.**

<i>За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?</i>	<i>За кого из зарегистрированных кандидатов вы проголосовали 18 марта 2018 г.?</i>
Сергей Бабурин	13 / 1,4%
Павел Грудинин	64 / 6,9%
Владимир Жириновский	64 / 6,9%
Геннадий Зюганов	24 / 2,6%
Дмитрий Медведев	21 / 2,3%
Алексей Навальный	10 / 1,1%
Владимир Путин	536 / 57,8%
Ксения Собчак	8 / 0,9%
Максим Сурайкин	1 / 0,1%
Борис Титов	12 / 1,3%
Григорий Явлинский	15 / 1,6%
Против всех	61 / 6,6%
Не голосовал бы	64 / 6,9%
Неуместный ответ	14 / 1,5%
Отказ от ответа	3 / 0,3%
Затрудняюсь ответить	18 / 1,9%
Всего	928 / 100%

Отметим, что наблюдается сильная ($r = 0,721$) статистически значимая ($p = 0,005$) связь между ценностями «консерватизм – открытость к изменениям» и «самоутверждение – забота о других» при агрегировании наблюдений по кандидатам. При удалении из анализа электората Сурайкина корреляция становится откровенно сильной ($r = 0,923$) и статистически более значимой ($p < 0,001$).

Качественно сходные результаты были получены нами и при использовании двух интегральных ценностных измерений по сис-

теме Р. Инглхарта. Применительно к нашему случаю мы получаем здесь следующие результаты (см. табл. 9 и рис. 10).

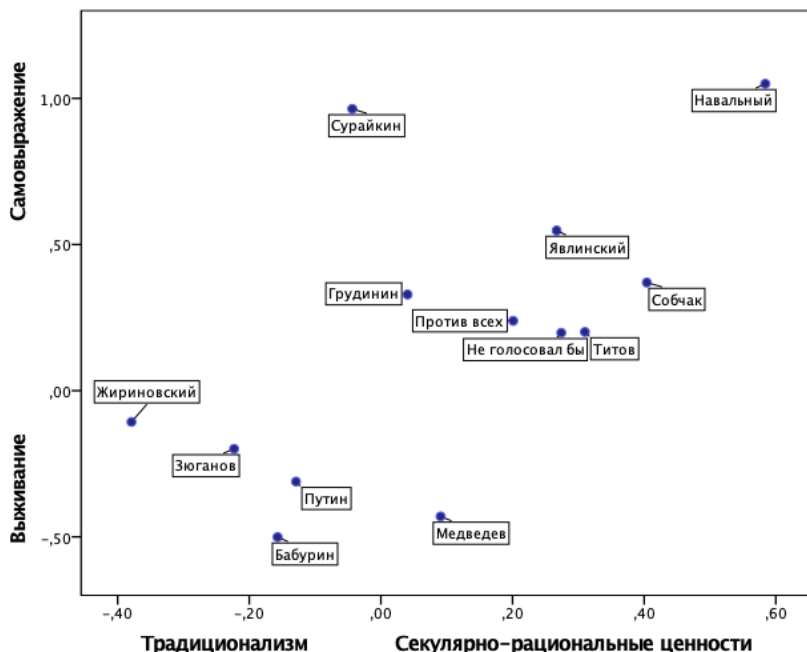

Рис. 10.

Распределение точек данных респондентов в пространстве, задаваемом осями «традиционно-религиозные – секулярно-рациональные ценности» и «ценности выживания – самовыражения» для дополненного списка потенциальных кандидатов

Таблица 9

**Средние значения индексов «традиционно-религиозные –
секулярно-рациональные ценности» и «выживание –
самовыражение» для респондентов в зависимости
от выбранного кандидата, расширенный список кандидатов**

<i>Кандидат</i>	<i>Значение индекса «традиционно-религиозные – секулярно-рациональные ценности»</i>	<i>Значение индекса «выживание – самовыражение»</i>	<i>Количество наблюдений</i>
Сергей Бабурин	-0,157	-0,501	20
Павел Грудинин	0,0404	0,329	191
Владимир Жириновский	-0,379	-0,107	121
Геннадий Зюганов	-0,223	-0,199	54
Дмитрий Медведев	0,0907	-0,430	29
Алексей Навальный	0,584	1,05	94
Владимир Путин	-0,129	-0,311	761
Ксения Собчак	0,404	0,370	37
Максим Сурайкин	-0,0435	0,964	5
Борис Титов	0,310	0,201	26
Григорий Явлинский	0,267	0,548	50
Против всех	0,201	0,239	235
Не голосовал бы	0,274	0,198	193

Проделанный нами анализ позволяет выделить следующие кластеры кандидатов.

– Первый кластер. Он включает в себя электорат В. Путина, Г. Зюганова, В. Жириновского и С. Бабурина (к этому кластеру достаточно близок электорат Д. Медведева). Для этого кластера характерна высокая приверженность, с одной стороны, традиционно-религиозным ценностям, а с другой – материалистическим ценностям выживания. Особо высокий уровень одобрения традиционно-религиозных ценностей фиксируется для сторонников Жириновского. Однако для них оказывается не столь типичной приверженность ценностям выживания; в то же время поддержка постматериалистических ценностей самовыражения им присуща в большей степени, чем для сторонников всех остальных членов этого кластера. Для сторонников Бабурина свойственна особо высокая приверженность ценностям выживания. Она в почти той же степени характерна для сторонников Д. Медведева, но они в большей степени, чем все остальные представители этого кластера, придерживаются секулярно-рациональных ценностей. Ценности сторонников Зюганова особо близки ценностям сторонников Путина –

и тем и другим свойственна умеренно-высокая поддержка как ценностей выживания, так и традиционно-религиозных ценностей.

– Второй кластер включает в себя сторонников П. Грудина, Г. Явлинского, Б. Титова и К. Собчак. В него попадают также респонденты, выбравшие в качестве ответа варианты «Против всех» и «Не голосовал бы» (это может служить дополнительным аргументом в пользу того, что значительная часть воздерживающихся от участия в президентских выборах потенциально поддерживает оппозицию). Для респондентов из этого кластера характерна относительно высокая приверженность как ценностям самовыражения, так и секулярно-рациональным ценностям. При этом приверженность секулярно-рациональным ценностям здесь в наибольшей степени характерна для сторонников К. Собчак, а в наименьшей – сторонникам П. Грудина.

– Наконец, особый кластер образуют сторонники А. Навального, для которых характерна особо высокая приверженность как ценностям самовыражения, так и секулярно-рациональным ценностям. При этом дистанция между третьим и вторым кластерами примерно такая же, как между вторым и первым.

Отметим, что во многих странах Запада наблюдается существенно другая корреляция между ценностными ориентациями и электоральными предпочтениями. Как мы могли видеть, в России речь идет прежде всего о противостоянии «партии власти» (В. Путин и примыкающие к нему фигуры), для сторонников которых характерна высокая приверженность ценностям сохранения и выживания, с одной стороны, и низкая приверженность ценностям самоутверждения и секулярно-рациональным ценностям – с другой, и оппозиции, как системной (прежде всего П. Грудинин), так и несистемной (прежде всего А. Навальный), для которой характерны относительно более высокая приверженность ценностям открытости к изменениям, самовыражения и самоутверждения, с одной стороны, и относительно низкая приверженность традиционно-религиозным ценностям – с другой. А, скажем, в США мы имеем дело с противостоянием между республиканцами с характерным для них сочетанием приверженности ценностям сохранения и самоутверждения и демократами с характерным для них сочетанием приверженности ценностям открытости к изменениям и ценностям заботы о других. Или Германия, где на момент проведения опроса Всемирного обследования ценностей (*World Values*

Survey) в 2013 г. мы имели дело с противостоянием между «партией власти» (христианские демократы + социал-демократы) с характерным для них сочетанием относительно высокой приверженности ценностям сохранения и самоутверждения и несистемной левой оппозицией (прежде всего «зелеными») с характерным для нее сочетанием приверженности ценностям открытости к изменениям и ценностям заботы о других [Демографическая динамика ..., 2019, с. 33–36].

Отметим, что для России подобное сочетание приверженности ценностям самоутверждения и сохранения (типичное для западных «правых») или сочетание приверженности ценностям открытости к изменениям и заботы о других (свойственное западным «левым») вообще не характерно. В России скорее приверженность сторонников данной политической силы ценностям самоутверждения коррелирует с ценностями открытости к изменениям, а приверженность сторонников данной политической силы ценностям заботы о других коррелирует с ценностями сохранения. Именно это обстоятельство и стоит за постоянно идущими (вполне обоснованными) разговорами о том, что классическое для стран Запада разделение на левый и правый фланги для посткоммунистических стран (включая Россию) не работает. Действительно, как мы видим, в интересующем нас отношении в России традиционных левых и правых практически нет.

Корреляция между возрастом респондентов и электоральными предпочтениями

Как мы могли видеть выше, возраст респондентов по данным нашего опроса достаточно определенно коррелирует с ценностными ориентациями. Для более молодых респондентов в целом свойственно больше придерживаться ценностей открытости к изменениям, с одной стороны, и ценностям самоутверждения – с другой. Более старшим респондентам в целом больше свойственно придерживаться ценностей консерватизма и ценностей заботы о других.

Вместе с тем особо выраженная приверженность ценностям открытости к изменениям и самоутверждению характерна для электората Навального (в особенности) и Собчак. Это позволяет

предполагать, что их должны поддерживать в среднем более молодые граждане. В наименьшей степени эта приверженность характерна для сторонников Зюганова, поэтому логично предположить, что средний возраст респондентов, высказавшихся в поддержку Зюганова, будет выше, чем у респондентов, проголосовавших за других кандидатов. Следом по своей высокой приверженности ценностям сохранения и относительно низкой склонностью к ценности самоутверждения идут Путин и Явлинский, и средний возраст их электората должен быть несколько ниже, чем у электората Зюганова, но заметно выше, чем у сторонников Собчак и особенно Навального. Для остальных кандидатов следует ожидать среднего возраста, промежуточного между Путиным и Явлинским, с одной стороны, и Собчак и Навальным – с другой. Для сторонников Грудинина характерна достаточно высокая приверженность ценностям открытости к изменениям (что характерно для молодого электората). С другой стороны, для них характерна очень высокая (много выше, чем у сторонников Зюганова, но немногим выше, чем у сторонников Путина) приверженность ценностям самоутверждения. Это позволяет предполагать, что средний возраст сторонников Грудинина должен быть заметно меньше среднего возраста сторонников Путина (и в особенности Зюганова).

Средний возраст проголосовавших за соответствующих кандидатов, по данным нашего опроса, представлен в табл. 10 и на рис. 11.

Таблица 10

Средний возраст респондентов, проголосовавших за кандидатов в президенты РФ (по данным опроса РАНХиГС, проведенного в Москве и Екатеринбурге)

Варианты ответов	Средний возраст	Количество ответивших
Сергей Бабурин	40,5	4
Павел Грудинин	48,2	112
Владимир Жириновский	43,0	32
Владимир Путин	54,4	928
Ксения Собчак	44,4	35
Максим Сурайкин	72,0	1
Борис Титов	40,2	9
Григорий Явлинский	56,1	23
Неуместный ответ	42,1	19
Отказ от ответа	44,1	302
Затруднялись ответить	44,4	27
Итого	51,0	1492

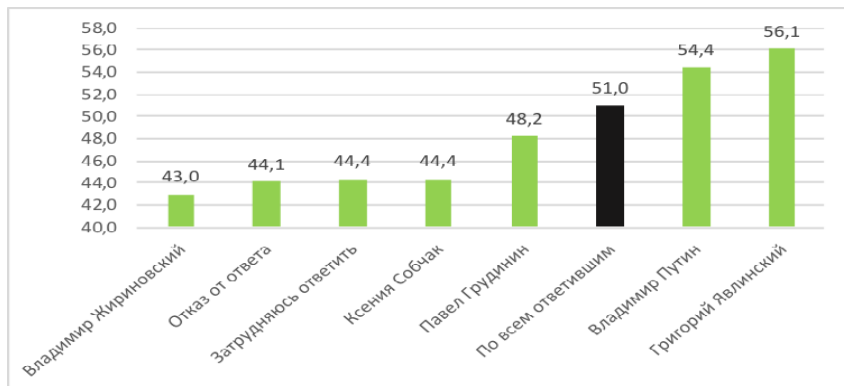

Рис. 11.

Средний возраст респондентов, проголосовавших за соответствующих кандидатов

Как мы видим, наши теоретические ожидания оправдались в высокой степени. С учетом того, что Зюганов не принимал участия в выборах 2018 г., наибольший средний возраст проголосовавших оказался среди респондентов, выбравших Путина и Явлинского. Как ожидалось, средний возраст респондентов, проголосовавших за Собчак, оказался одним из самых низких. Отметим достаточно низкий средний возраст респондентов, голосовавших за Грудинина (48,2 года), что несколько ниже среднего возраста по выборке (51 год). Достаточно неожиданно, что наименьший средний возраст оказался у респондентов, проголосовавших за Жириновского. Стоит отметить, что уровень приверженности ценностям консерватизма и заботы о других среди респондентов, голосовавших за Жириновского, заметно ниже, чем в среднем можно было ожидать для респондентов с такими возрастными характеристиками.

А теперь обратимся к расширенному списку кандидатов и рассмотрим средний возраст ответивших для более полного списка (см. табл. 11 и рис. 12).

Таблица 11

**Средний возраст респондентов, выразивших готовность
голосовать за следующих кандидатов из дополненного списка**

Варианты ответов	Средний возраст	Количество ответивших
Сергей Бабурин	65,7	20
Геннадий Зюганов	58,2	54
Григорий Явлинский	56,6	50
Владимир Путин	51,5	761
Борис Титов	51,4	26
Дмитрий Медведев	49,4	29
Максим Сурайкин	47,8	5
Павел Грудинин	46,2	191
Владимир Жириновский	45,8	121
Ксения Собчак	45,8	37
Алексей Навальный	37,7	94
Против всех	43,2	235
Не голосовал бы	43,8	193
Неуместный ответ	53,9	24
Отказ от ответа	39,1	104
Затрудняюсь ответить	46,6	57
Итого	47,8	2001

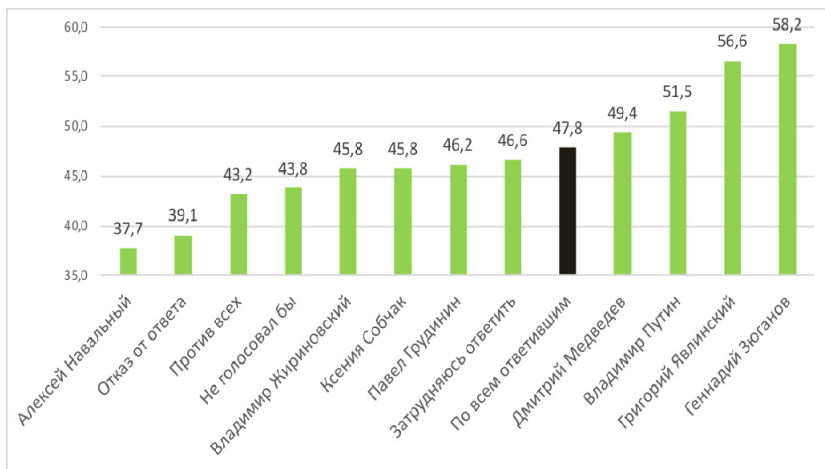

Рис. 12.

**Средний возраст респондентов, выразивших свою готовность
голосовать за следующих кандидатов из дополненного списка**

Как мы видим, в данном случае наши теоретические ожидания подтверждаются в еще большей степени. Наименьший средний возраст характерен для респондентов, заявивших, что они проголосовали бы за А. Навального, следом идут респонденты, отказавшиеся от ответа, проголосовавшие бы против всех и не проголосовавшие бы, что может свидетельствовать о недоверии институту выборов среди молодежи. Далее следуют поддерживающие Жириновского и Собчак. Как мы и ожидали, наибольший средний возраст характерен для готовых проголосовать за Зюганова. Далее следуют поддерживающие Явлинского и Путина. К ним достаточно близко примыкает потенциальный электорат Медведева. Для электората всех этих кандидатов (Зюганова, Явлинского, Путина и Медведева) характерно превышение среднего возраста по выборке. Особо стоит отметить достаточно молодой электорат Грудинина, это позволяет высказать предположение, что решение КПРФ выставить своим кандидатом Грудинина, а не Зюганова было оправданным, так как позволило в заметной степени омолодить электорат партии.

Проведенный нами опрос позволяет предположить, что в случае выдвижения Зюганова он мог бы получить меньше голосов, чем получил Грудинин из-за слабой поддержки среди молодого электората.

Заключение

Проведенное нами исследование подтвердило наличие достаточно сильной и значимой отрицательной зависимости между возрастом и поддержкой ценностей открытости к изменениям. Таким образом, более молодые респонденты в тенденции оказываются заметно в большей степени привержены ценностям открытости к изменениям, чем более пожилые респонденты. Кроме того, наблюдается несколько менее выраженная отрицательная корреляция между возрастом респондентов и приверженностью ценностям самоутверждения. То есть более пожилые респонденты в тенденции заметно менее привержены ценностям самоутверждения, чем более молодые респонденты, и, соответственно, заметно более привержены ценностям заботы о других. Анализ результатов опроса также подтвердил, что женщины в тенденции оказываются в

заметно меньшей степени привержены ценностям открытости к изменениям, нежели мужчины. Кроме того, наблюдается и достаточно выраженная отрицательная связь между принадлежностью респондентов к женскому полу и приверженностью ценностям самоутверждения. То есть женщины в тенденции оказываются заметно менее привержены ценностям самоутверждения, чем мужчины, и, соответственно, заметно более привержены ценностям заботы о других.

Однако наиболее значимые результаты исследования заключаются в том, как ценностные установки (в том числе изменяясь с возрастом) влияют на электоральное поведение. Это влияние было рассмотрено на примере электорального поведения во время выборов президента России в марте 2018 г., а также электоральных предпочтений, выраженных респондентами в конце июня – начале июля 2018 г. Данные для анализа были получены в ходе проведения инициированного нами социологического опроса в Москве и Екатеринбурге.

Анализ ценностных ориентаций электората отдельных кандидатов дал следующие результаты. Для основного электората В. Путина характерна очень высокая приверженность ценностям сохранения, при этом ему свойственна и достаточно сильная выраженность поддержки ценностей заботы о других. Электорат П. Грудина имеет сходный уровень поддержки ценностей заботы о других, однако для него характерна заметно бóльшая приверженность ценностям открытости к изменениям. В целом электорат Путина, Грудина, Жириновского и Явлинского не имеет значительных различий по степени приверженности ценностям сохранения – открытости к изменениям, однако такие различия уверенно прослеживаются вдоль оси ценностей «консерватизм – открытость к изменениям». Особо стоит отметить электорат К. Собчак, характеризующийся очень высокими значениями приверженности ценностям как самоутверждения, так и открытости к изменениям.

В нашем исследовании кроме вопроса «За кого из зарегистрированных кандидатов вы проголосовали?», мы задавали вопрос: «За кого из возможных кандидатов, включая незарегистрированных, вы бы проголосовали, если бы от вашего голоса зависел исход выборов?» (при этом мы добавили в список возможных кандидатов А. Навального, Г. Зюганова и Д. Медведева). Исследование ответов

на второй вопрос позволило выделить два противоположных полюса. На одном полюсе оказался электорат С. Бабурина и Г. Зюганова; для их сторонников характерна наибольшая степень приверженности ценностям сохранения и наименьшая степень приверженности ценностям самоутверждения. На другом полюсе мы видим электорат К. Собчак и в особенности А. Навального; для него мы наблюдаем максимально высокие значения как индекса открытости к изменениям, так и индекса самоутверждения. Что касается электората В. Путина, Г. Явлинского, Д. Медведева, П. Грудинина, Б. Титова и В. Жириновского, то он занимает промежуточное положение. В то же время для сторонников Путина, Явлинского и Медведева более характерна поддержка ценностей сохранения, а для электората Грудинина, Титова и Жириновского – скорее ценностей открытости к изменениям.

Кроме того, с опорой на систему измерений Р. Инглхарта нами были выделено несколько кластеров, отражающих связь ценностных ориентаций с политическими предпочтениями в пространстве осей «Традиционно-религиозные – секулярно-рациональные ценности» и «Ценности выживания – ценности выражения». Первый кластер включает в себя сторонников В. Путина, Г. Зюганова, В. Жириновского и С. Бабурина (к этому кластеру достаточно близок и электорат Д. Медведева). Для него характерна высокая приверженность, с одной стороны, традиционно-религиозным ценностям, а с другой – ценностям выживания. В то же самое время особо сильная приверженность традиционно-религиозным ценностям характерна для электората Жириновского, но ему не в столь высокой степени свойственна поддержка ценностей выживания, а приверженность постматериалистическим ценностям самовыражения ему свойственна в большей степени, чем для сторонников всех остальных членов этого кластера. Сторонникам Бабурина присуща особо высокая приверженность ценностям выживания. Почти в той же степени высокая поддержка ценностей выживания характерна и для сторонников Медведева, но они в большей степени, чем все остальные представители этого кластера привержены секулярно-рациональным ценностям. По шкалам Инглхарта особо близки ценностям сторонников Путина оказываются ценности сторонников Зюганова – и тем и другим присуща умеренно-высокая приверженность как ценностям выживания, так и традиционно-религиозным ценностям.

Во второй кластер попали сторонники П. Грудина, Г. Явлинского, Б. Титова и К. Собчак. Он также включает в себя респондентов, выбравших в качестве ответа варианты «Против всех» и «Не голосовал бы». Для них всех характерна относительно высокая приверженность как ценностям самовыражения, так и секулярно-рациональным ценностям. Приверженность секулярно-рациональным ценностям при этом здесь в наибольшей степени присуща сторонникам К. Собчак, а в наименьшей – электорату П. Грудина.

Особый по сути своей кластер образуют сторонники А. Навального. Им свойственна особо высокая приверженность как секулярно-рациональным ценностям, так и постматериалистическим ценностям самовыражения. При этом дистанция между третьим и вторым кластерами примерно такая же, как и между первым и вторым.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет утверждать, что ценностные ориентации, рассчитанные по методологиям Шварца и Инглхарта – Вельцеля, связаны с политическими предпочтениями российских избирателей, а также с такими их демографическими характеристиками, как пол и возраст.

Список литературы

- Вебер М.* Основные социологические понятия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 а. – С. 602–644.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990 б. – С. 61–208.
- Возраст, ценности и модернизация в глобальной перспективе / А. Коротаев, Ю. Зинькина, Е. Слинько, С. Билюга // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2018. – № 1. – С. 45–67.
- Гаджиева Р.Г.* Динамика гендерных стереотипов и их влияние на профессиональную самореализацию личности: дисс. ... канд. психол. наук. – М.: РАНХиГС, 2000. – 184 с.
- Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – 327 с.
- Демографическая динамика, ценностные ориентации и электоральное поведение. Препринт / А. Коротаев, С. Шульгин, И. Ефремов, Ю. Зинькина, И. Медведев, Д. Романов. – М.: РАНХиГС, 2019. – 53 с. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3347095 (Дата посещения: 10.06.19.)
- Измерение межстранового культурного расстояния через ценностные различия между индивидами и его влияния на глобальную торговлю / А.И. Андреев,

- Ю.В. Зинькина, А.В. Коротяев, С.Г. Шульгин // Экономика и математические методы. – 2018. – Т. 54, № 1. – С. 3–25.
- Кириллина Т.Ю.* Трансформация духовно-нравственных ценностей россиян в контексте глобализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 7 (107). – С. 54–57.
- Магун В.С.* Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. – 2006. – № 4. – С. 45–74.
- Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. – С. 5–17.
- Магун В.С., Руднев М.Г.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – № 1. – С. 33–58.
- Руднев М.Г.* Причины и следствия изменения массовых ценностей // Экономическая социология. – 2011. – № 2. – С. 138–143. – Рец. на кн.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- The authoritarian personality / T.W. Adorno, E. Frenkel-Brunswick, D.J. Levinson, R.N. Sanford. – New York: Harper and Row, 1950. – 228 p.
- Altemeyer R.A.* Right-wing Authoritarianism. – Winnipeg: University of Manitoba press, 1981. – 352 p.
- Bizumic B., Duckitt J.* Investigating right wing authoritarianism with a very short authoritarianism scale // Journal of social and political psychology. – 2018. – Vol. 6, N 1. – P. 129–150. – DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v6i1.835>
- Christie R., Jahoda M.* Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research. – Glencoe, Illinois: The free press, 1954. – 279 p.
- Democratisation, governance and regionalism in east and southeast Asia: a comparative study / I. Marsh (ed). – London: Routledge, 2006. – 273 p.
- el-Ojeili C.* Reflecting on post-fascism: utopia and fear // Critical sociology. – 2019. – Vol. 45, N 7/8. – P. 1149–1166. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920518768867>
- Erikson E.* Childhood and Society. – New York: Norton, 1950. – 400 p.
- Erikson E.* Identity, youth and crisis. – New York: Norton, 1968. – 338 p.
- Evan W.M.* Cohort analysis of survey data: a procedure for studying longterm opinion change // Public opinion quarterly. – 1959. – Vol. 23, N 1. – P. 63–72. – DOI: <https://doi.org/10.1086/266846>
- Fink M.H.* Political participation, democratisation and citizens' values in Europe // Teorija in praksa. – 2012. – Vol. 49, N 3. – P. 544–565.
- Hyde J.S.* Gender similarities and differences // Annual review of psychology. – 2014. – Vol. 65, N 1. – P. 373–398. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115057>
- Inglehart R.* Postmaterialist values and the shift from survival to self-expression values // The Oxford handbook of political behavior / R.J. Dalton, H.D. Klingemann (eds). – Oxford: Oxford university press, 2007. – P. 222–239.
- Inglehart R.* The silent revolution: changing values and political styles among western publics. – Princeton, N.J.: Princeton university press, 1977. – 496 p.

- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence. – New York: Cambridge university press, 2005. – 370 p.
- Inglehart R.* The silent revolution in post-industrial societies // *American political science review*. – 1971. – Vol. 65, N 4. – P. 991–1017. – DOI: <https://doi.org/10.2307/1953494>
- Mattson K.* The Trumpian personality // *Dissent*. – 2018. – Vol. 65, N 1. – P. 116–122. – DOI: <https://doi.org/10.1353/dss.2018.0006>
- Ray J.J.* Why the F scale predicts racism: A critical review // *Political psychology*. – 1988. – Vol. 9, N 4. – P. 671–679. – DOI: <https://doi.org/10.2307/3791533>
- Rendall J.* Women's politics, 1800–1914. – Oxford: B. Blackwell, 1987. – 290 p.
- Robinson O.C.* Values and adult age: findings from two cohorts of the European social survey // *European journal of ageing*. – 2013. – Vol. 10, N 1. – P. 11–23. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-012-0247-3>
- Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M.* Basic personal values, core political values, and voting: a longitudinal analysis // *Political psychology*. – 2010. – Vol. 31, N 3. – P. 421–452. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x>
- Tilley J., Evans G.* Ageing and generational effects on vote choice: combining cross-sectional and panel data to estimate APC effects // *Electoral studies*. – 2014. – Vol. 33, N 2. – P. 19–27. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.06.007>
- Wirajuda M.* The impact of democratisation on Indonesia's foreign policy: regional cooperation, promotion of political values, and conflict management: PhD Thesis. – London: The London School of economics and political science (LSE), 2014. – 263 p.
- Zellman G.L.* Antidemocratic beliefs: A survey and some explanations // *Journal of social issues*. – 1975. – Vol. 31, N 1. – P. 31–53. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1975.tb00758.x>

A.V. Korotaev, S.G. Shulgin, I.A. Medvedev, Ju.V. Zinkina*
**Relationship between value orientations, demographic factors
and electoral behavior in Russia**

Abstract. The article presents a systematic review of various approaches to the definition and method of studying value orientations, the connection of values and so-

---

* **Korotayev Andrey**, National Research University Higher School of Economics; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: akorotayev@gmail.com; **Shulgin Sergei**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: shulgin@ranepa.ru; **Medvedev Ilya**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: semyonkot@yandex.ru; **Zinkina Julia**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Institute for African studies of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: juliazin@list.ru

© Коротаев А.В., Шульгин С.Г., Медведев И.А.,

Зинькина Ю.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.01.09

cial action. The authors analyze the relationship between various sociodemographic groups and their value orientations. On the basis of data obtained after conducting sociological research in Russia, an analysis has been made of the relationship between respondents' value orientations and their political preferences. In addition, the most characteristic value orientations for the electorate of the most prominent modern politicians have been investigated. When using the Schwartz system, it turns out that the electorate most committed to the values of conservation and at the same time the least committed to the values of self-enhancement belongs to Sergey Baburin and Gennady Zyuganov. At the other pole one finds Ksenia Sobchak and especially Aleksei Navalny, whose supporters are characterized by both the maximum values of the index of commitment to the values of openness to change, and the maximum values of the index of commitment to the values of self-enhancement. An intermediate position is occupied by the electorate of Vladimir Putin, Gregory Yavlinsky, Dmitry Medvedev, Pavel Grudinin, Boris Titov, and Vladimir Zhirinovskiy, but at the same time the electorate of Putin, Yavlinsky and Medvedev is inclined towards values of conservation, and the electorate of Grudinin, Titov and Zhirinovskiy is towards values of openness to change. Using Inglehart system, politicians have been subdivided into two main clusters on the basis of value orientations of their electorate at the 2018 presidential elections: a class of candidates whose electorate adheres more to materialist values of survival and traditional religious values and a class whose electorate is more committed to secular-rational values and postmaterialist values of self-expression.

Keywords: values; electoral behavior; electoral preferences; gender; age groups; self-enhancement values; traditional-religious values; values of conservation; postmaterialist values; 2018 Presidential Elections in Russia.

For citation: Korotaev A.V., Shulgin S.G., Medvedev I.A., Zinkina Ju.V. Relationship between value orientations, demographic factors and electoral behavior in Russia. *Political science (RU)*. 2020, N 1, P. 255–257. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.09>

References

- Adorno T.W., et al. *The authoritarian personality*. New York: Harper and Row, 1950, 228 p.
- Altemeyer R.A. *Right-wing Authoritarianism*. Winnipeg: University of Manitoba Press, 1981, 352 p.
- Andreev A., et al. Measuring country-to-country cultural distance through individual differences in values and its influence on the global trade. *Economics and the mathematical methods*. 2018, Vol. 54, N 1. P. 3–25. (In Russ.)
- Bizumic B., Duckitt J. Investigating right wing authoritarianism with a very short authoritarianism scale. *Journal of social and political psychology*. 2018, Vol. 6, N 1, P. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v6i1.835>
- Christie R., Jahoda M. *Studies in the scope and method of «The authoritarian personality»: continuities in social research*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1954, 279 p.

- Civil, ethnic and religious identity in modern Russia*. Ed. by V.S. Magun. Moscow: Institute of sociology of the Russian academy of sciences, 2006, 327 p. (In Russ.)
- Democratisation, governance and regionalism in east and southeast Asia: a comparative study*. Ed by I. Marsh. London: Routledge, 2006, 273 p.
- Erikson E. *Childhood and society*. New York: Norton, 1950, 400 p.
- Erikson E. *Identity, youth and crisis*. New York: Norton, 1968, 338 p.
- Evan W.M. Cohort analysis of survey data: a procedure for studying long-term opinion change. *Public opinion quarterly*. 1959, Vol. 23, N 1, P. 63–72. DOI: <https://doi.org/10.1086/266846>
- el-Ojeili C. Reflecting on post-fascism: utopia and fear. *Critical sociology*. 2019, Vol. 45, N 7–8, P. 1149–1166. DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920518768867>
- Fink M.H. Political participation, democratisation and citizens' values in Europe. *Teorija in praksa*. 2012, Vol. 49, N 3, P. 544–565.
- Gadzhieva R.G. *Dynamics of gender stereotypes and their effects on professional self-realization of personality*. Cand. Diss. Moscow: RANEPА, 2000, 184 p. (In Russ.)
- Hyde J.S. Gender similarities and differences. *Annual Review of Psychology*. 2014, Vol. 65, N 1, P. 373–398. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010213-115057>
- Inglehart R. The silent revolution in post-industrial societies. *American political science review*. 1971, Vol. 65, N 4, P. 991–1017. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953494>
- Inglehart R. *The silent revolution: changing values and political styles among western publics*. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1977, 496 p.
- Inglehart R. Postmaterialist values and the shift from survival to self-expression values. In: *The Oxford handbook of political behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 2007, P. 222–239.
- Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence*. New York: Cambridge university press, 2005, 370 p.
- Kirilina T.Yu. Transformation of spiritual and moral values of Russians in a globalization context. *Uchenye zapiski RGSU*. 2012, N 7(107), P. 54–57. (In Russ.)
- Korotayev A.V., et al. Age, values and modernization in the global perspective. *Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*. 2018, N 1, P. 45–67. (In Russ.)
- Korotayev A.V. et al. *Demographic Dynamics, Value Orientations and Electoral Behavior: preprint*. Moscow: RANEPА, 2019, 53 p. Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3347095 (accessed: 10.06.19.) (In Russ.)
- Magun V.S. Dynamics of work values of Russian workers in 1991–2004. *Russian management journal*. 2006, N 4, P. 45–74. (In Russ.)
- Magun V.S. Rudnev M. Life values of the Russian population: similarities and differences in comparison to other European countries. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions*. 2008, N 1, P. 33–58. (In Russ.)
- Magun V., Rudnev M. The basic values of Russians in the European context. *Social sciences and contemporary world*. 2010, N 4, P. 5–17. (In Russ.)
- Mattson K. The Trumpian personality. *Dissent*. 2018, Vol. 65, N 1, P. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.1353/dss.2018.0006>
- Ray J.J. Why the F scale predicts racism: A critical review. *Political psychology*, 1988, Vol. 9, N 4, P. 671–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/3791533>

- Rendall J. *Women's politics, 1800–1914*. Oxford: B. Blackwell, 1987, 290 p.
- Robinson O.C. Values and adult age: findings from two cohorts of the European social survey. *European journal of ageing*. 2013, Vol. 10, N 1, P. 11–23. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-012-0247-3>
- Rudnev M. Reasons and consequences of mass values transformation. Book review on Inglehart R., Welzel Ch. 2010. *Modernization, cultural change, and democracy* (Russian translation. M.: New Publishing). *Journal of Economic Sociology*. 2011, N 2, P. 138–143. (In Russ.)
- Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M. Basic personal values, core political values, and voting: a longitudinal analysis. *Political psychology*. 2010, Vol. 31, N 3, P. 421–452. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x>
- Tilley J., Evans G. Ageing and generational effects on vote choice: combining cross-sectional and panel data to estimate APC effects. *Electoral studies*. 2014, Vol. 33, N 2, P. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.06.007>
- Weber M. Basic sociological terms. In: *Selected works*. Moscow: Progress, 1990 a, P. 602–644. (In Russ.)
- Weber M. The protestant ethic and the spirit of capitalism. In: *Selected works*. Moscow: Progress, 1990 b, P. 61–208. (In Russ.)
- Wirajuda M. *The impact of democratisation on Indonesia's foreign policy: regional cooperation, promotion of political values, and conflict management: PhD Thesis*. London: The London School of Economics and Political Science (LSE), 2014, 263 p.
- Zellman G.L. Antidemocratic beliefs: a survey and some explanations. *Journal of social issues*. 1975, Vol. 31, N 1, P. 31–53. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1975.tb00758.x>